

Чтобы спровадить Лу Чжоняня, Чэнь Цзэмяню пришлось наступить на горло собственной гордости и битый час умасливать разнеженного столичного барчука.

Он клятвенно заверил, что ни на шаг не переступит порог палаты, и в качестве залога даже заполнил бланк согласия на бронхоскопию. Пообещал: мол, если сбегу и меня поймают — делайте мне эту чертову процедуру хоть десять раз подряд. Только после этого нелепого залога высокомерный наследник сменил гнев на милость и соизволил убраться восвояси, увлекая за собой целую свиту из телохранителей и личного водителя.

Благодаря привилегиям молодого хозяина результаты анализов были готовы в мгновение ока. Если не считать зашкаливающей концентрации алкоголя в крови, никаких серьезных угроз для жизни врачи не обнаружили.

Разве что в лимфоузле нащупали крошечный узелок второй категории — пустяк, обычное доброкачественное новообразование.

У самого Цзэмяня в прошлой жизни со здоровьем все было в порядке. Видно, прежний владелец тела, Чэнь Чжэ, слишком долго копил в себе обиду и горечь, вот организм и дал сбой.

Заикливаться на этом Цзэмянь не стал, однако предусмотрительно положил злополучный листок на самый верх стопки документов. Пусть у Чжоняня хоть проснется подобие совести, когда он наткнется на этот диагноз, и он оставит его наконец в покое.

Частная клиника держала марку: палата временного пребывания больше походила на гостиничный люкс. Кругом царила благословенная тишина, медицинский персонал без нужды не совался, и единственным раздражающим фактором оставался навязчивый свет потолочной лампы.

В голове Чэнь Цзэмяня теснился целый рой мыслей, да еще и за дверью маячили хмурые охранники. В такой чуждой, неудобной обстановке любой нормальный человек страдал бы от бессонницы, но он, свернувшись калачиком на больничной койке и подложив под голову согнутую руку, уставился на ритмичные зигзаги кардиографа и незаметно для себя провалился в глубокий сон.

Сновидения принесли с собой обрывки чужого прошлого. Воспоминания Чэнь Чжэ всплывали хаотичными, разорванными кадрами, которые никак не желали складываться в цельную картину.

Утром он ненадолго приоткрыл глаза и сквозь щелку в жалюзи заметил первые лучи рассвета. Желание досмотреть ускользающие сны оказалось сильнее: Цзэмянь натянул одеяло по самые уши и сладко зажмурился.

Но поспать ему не дали. Сквозь дремоту внезапно прорвался истошный, полный неподдельного ужаса крик:

— Чэнь Чжэ!

Не успел он сообразить, что происходит, как на него навалилась какая-то тяжелая туша. Удар под дых едва не заставил его выплюнуть легкие.

Чья-то дрожащая рука рывком сдернула с его лица одеяло.

Цзэмянь недовольно поморщился и открыл глаза, столкнувшись носом к носу со своим несостоявшимся душителем.

Память услужливо подсказала имя парня.

— Сяо Кэсун?

Глаза Сяо Кэсуна были налиты кровью. Он лихорадочно принялся щупать лоб Цзэмяня, проверяя температуру, а затем поднес подрагивающие пальцы к его ноздрям.

Дышит! Живой!

На лицо парня набежала волна безумного облегчения, и он мертвой хваткой вцепился в плечи друга.

— Слава богу! Чэнь Чжэ, живой! А я-то думал...

Цзэмянь с трудом высвободился из удушающих объятий и со стоном сел на кровати.

— Если ты еще раз упрешься мне локтем в печень, я точно отправлюсь на тот свет.

Кэсун тут же отпрянул, еще раз окинул его паническим взглядом и легонько ткнул кулаком в плечо.

— Ну ты и придурок, до полусмерти меня напугал! Чжонянь обмолвился, что тебя привезли в реанимацию. Я влетаю в палату, вижу — на кровати кто-то лежит, накрытый простыней с головой... Ну все, думаю, откинулся кореш!

У Цзэмяня до сих пор гудело в ушах от его криков.

— Я просто спал, господин Сяо. Солнце прямо в глаза светило, вот и укрылся.

— Какое, к черту, солнце? Одиннадцатый час уже! Давай, шевелись, поедem поедим где-нибудь.

— Извини, но я пас, — покачал головой Цзэмянь. — Хочу только одного: добраться до нормальной кровати и выспаться.

Кэсун настаивать не стал.

— Ладно, заброшу тебя домой, а сам рвану на пары. Вчера тебе знатно досталось, но ты не дрейфь. С Сюй Шаояном я сам разберусь — эти шавки к тебе больше на пушечный выстрел не подойдут. Да, кстати, мне тут нашептали, что какой-то ублюдок по имени У Сюй посмел распустить руки? Какая падла тебя тронула? Скажи только, какой рукой он до тебя дотронулся, и я лично позабочусь, чтобы ему её сломали.

Слушая этот яростный, но искренний поток угроз, Цзэмянь почувствовал легкое замешательство.

— Кэсун, ты...

— М? Что такое?

— Да нет, ничего, — Цзэмянь покачал головой. — Просто... спасибо. Ты действительно хорошо ко мне относишься.

Сяо Кэсун шутливо пихнул его локтем.

— Опять за свое? Когда это я к тебе плохо относился, чудила?

Цзэмянь лишь слабо улыбнулся в ответ, предпочтя промолчать.

«А ведь в романе все было иначе...»

Согласно сюжету оригинальной книги, уже во второй главе, где Чэнь Чжэ впервые полноценно заявлял о себе, этот преданный друг резко менял маску. Автор утверждал, что вся забота Кэсуна — дешевая фальшивка, разыгранная лишь ради того, чтобы затащить наивного парня в элитную тусовку золотой молодежи и сделать всеобщим посмешищем.

Однако в ушах Цзэмяня до сих пор звенел тот отчаянный, надрывный крик, а перед глазами стояло лицо друга — бледное, со следами подлинного страха.

Разве можно такое сыграть?

Кэсун не оканчивал актерский факультет театральной академии, чтобы выдавать столь сильные эмоции по щелчку пальцев. Да и какой резон избалованному наследнику влиятельного

клана устраивать драму перед бездыханным телом? Если бы он хотел поиздеваться, то не стал бы тратить слезы на мнимый труп в пустой палате.

Скорее всего, автор романа переписывал сюжет буквально на коленке под давлением разгневанных читателей. Из-за этих спешных правок многие психологические портреты персонажей потеряли логику и стали картонными. Реальность оказалась куда глубже книжных строчек.

Сам Цзэмянь понятия не имел, где живет его реинкарнация, но Кэсун, к счастью, дорогу знал. Они припарковались на самой окраине старого города, у безликого конгломерата обветшалых хрущевок, построенных для переселенцев.

Узкие проезды были забиты ржавыми велосипедами, хаотично брошенными скутерами и горами какого-то хлама. Протиснуться туда на спортивном авто Кэсуна не представлялось возможным, поэтому Цзэмянь решил прогуляться пешком и вышел на обочине.

По дороге он ненавязчиво расспросил приятеля и выяснил две вещи: во-первых, тот даже не догадывался о его амнезии, а во-вторых, никогда не переступал порог его квартиры. Расспрашивать о точном номере дома и квартиры было бы слишком подозрительно, так что пришлось уповать на интуицию.

Кэсун уже нажал на газ, но вдруг притормозил, сдал назад и опустил тонированное стекло.

— Чэнь Чжэ!

Цзэмянь вернулся к машине.

— Что еще?

Парень перегнулся через пассажирское сиденье, открыл бардачок и выудил оттуда две увесистые пачки перевязанных резинкой купюр.

— Чжонянь обмолвился, что ты мобилу посеял. На, купи себе нормальный аппарат, а то до тебя хрен дозвонишься.

Цзэмянь уставился на красные банкноты, не торопясь протягивать руку.

Заметив его замешательство, Кэсун бесцеремонно пихнул пачки ему прямо под куртку.

— Да бери ты, не ломайся! Нашел время скромничать. Я эти бумажки специально в бардачке держу на всякий случай, сейчас-то наличкой только динозавры пользуются.

— Хорошо, — вздохнул Цзэмянь. — Возьму в долг. Как только разжичусь деньгами — верну.

Лицо Кэсуна исказила гримаса искреннего недоумения.

— Вернешь? Ты сейчас серьезно? Не позорь меня, ладно? Нашел долг — копейки эти несчастные.

Цзэмянь промолчал, решив не спорить.

— Ладно, бывай, — парень вальяжно вскинул подбородок. — Вечером набери меня, как освобожусь с учебы — заеду, скатаемся куда-нибудь развлечься.

Связываться с мажорами Цзэмяню совсем не хотелось, но долг обязывал поддерживать контакт. По крайней мере пока он не вернет всю сумму до последнего юаня.

— Договорились. Только продиктуй свой номер, у меня память на цифры плохая.

— Офигеть, ты даже мой номер умудрился забыть? — картинно возмущился Кэсун. Он нашарил в подстаканнике маркер, выхватил из рук Цзэмяня одну из сотенных купюр и уже занес над ней пластиковое жало.

Цзэмянь вовремя перехватил его запястье и подставил собственную ладонь.

— Не порть государственные знаки, это вообще-то подсудное дело. Пиши прямо здесь.

Выводя аккуратные цифры на чужой коже, Кэсун хмыкнул:

— Последний раз я занимался подобным художеством в клубе, когда клеил какую-то горячую чиксу.

В сознании Цзэмяня вдруг вспыхнула короткая вспышка из недавнего прошлого Чэнь Чжэ.

— Погоди... это же было буквально на прошлой неделе?

— Ну да! — Кэсун залился счастливым хохотом. — Говорю же — целая вечность прошла!

Цзэмянь зафиксировал взглядом кривоватые цифры, мысленно повторил их несколько раз и иронично парировал:

— Твое понятие вечности чертовски укладывается в рамки семи дней.

— Ой, да ладно тебе душнить. В следующий раз вместе скатаемся. Все, я улетел, бывай!

Цзэмянь помахал рукой вслед скрывающемуся за поворотом автомобилю.

Благодаря ночным кошмарам он теперь примерно представлял, в какой точке временной шкалы находится. Сюжет оригинального романа стартовал лишь после того, как Лу Чжонянь с помпой оканчивал университет. Сейчас же грозный наследник империи Лу учился всего лишь на втором курсе.

Об этих трех «потерянных» годах автор в своей книге упоминал вскользь, так что Цзэмянь понятия не имел, чем занимался Чэнь Чжэ в этот период.

Наверное, где-то батрачил?

Несмотря на внешнюю обшарпанность и хаотичность, инфраструктура старого района была развита на зависть новостройкам. Буквально за углом Цзэмянь обнаружил пеструю вереницу вывесок и почти сразу наткнулся на невзрачный салон связи.

Едва он переступил порог, как по телу разлилось странное чувство дежавю.

Хозяин точки, лениво развалившийся в потертом кожаном кресле перед стареньким монитором, мельком глянул на вошедшего и буднично бросил:

— О, явился наконец.

Тон выдавал старого знакомого.

В ту же секунду из-под прилавка выкатился упитанный пестрый пес и с радостным визгом принялся нарезать круги вокруг ног Цзэмяня, неистово виляя хвостом-бубликом.

Мозаика в голове сложилась.

Цзэмянь присел на корточки и потрепал пса за мокрым ухом.

— Здорово, Чжуанчжуан.

Мужчина за стойкой притворно вздохнул и покачал головой.

— Ну ты и скотина, Чжэ. Я тут перед ним распинаюсь, а он первым делом к кобелю лезет обниматься.

— Не ворчи, брат Вэй, — усмехнулся Цзэмянь, поднимаясь и подходя к стеклянной прилавку.
— Я по делу. Мобильник нужен.

Цзянь Цзявэй принял вертикальное положение, и его взгляд тут же зацепился за пачки банкнот в руках гостя.

— Ого! Ни фиги себе ты поднялся. Ты зачем с прессом налички по району шастаешь? Жить надоело? Тут контингент специфический, мигом башку проломают и карманы вывернут.

— Да карманов нормальных нет, вот и несу в руках, — отмахнулся Цзэмянь.

Цзявэй тут же швырнул ему плотный бумажный пакет с логотипом какого-то бренда.

— На, спрячь от греха подальше.

Цзэмянь послушно запихнул деньги внутрь.

— Спрятать-то спрячу, но половину сейчас все равно тебе отдавать. Мне правда нужен телефон.

Торговец выложил на витрину три коробки из новенького пластика.

— Выбирай. А со старым что? Давай сюда, сейчас контакты и фотки перекину.

— Утопил я его, с концами, — вздохнул Цзэмянь, ткнув пальцем в ничем не примечательный черный смартфон среднего класса. — Придется еще и симку восстанавливать. Сколько с меня за этот?

Цзявэй без лишних церемоний отсчитал нужную сумму из пачки и ухмыльнулся:

— Слышь, а координаты болота не подкинешь? Я бы сплавал, достал. Подшаманил бы малек — и на витрину как «почти новый, дедушка в церковь раз в неделю звонил».

Цзэмянь сверился с настенными часами — стрелки как раз приближались к обеду.

— Брат Вэй, ты как насчет перекусить? Пошли, я угощаю.

Тот победно потряс пачкой купюр:

— С ума сошел? Размечтался! Сегодня гуляем за мой счет, ты мне дневную выручку сделал.

— Да ладно тебе, — улыбнулся Цзэмянь. — Ты же наверняка продал мне его по себестоимости.

Цзявэй насыпал в миску Чжуанчжуана корма, запер входную дверь на засов и весело подмигнул:

— Обижаешь! Три сотни юаней чистыми я с тебя все-таки поимел.

Процесс адаптации проходил странно. Память Чэнь Чжэ усваивалась фрагментами, создавая удивительное ощущение: Цзэмянь совершенно не помнил названий улиц и терялся на перекрестках, но стоило ему сделать шаг в правильном направлении, как перед глазами вспыхивали готовые подсказки. Разум внезапно вспоминал, что вот в этой закусочной готовят потрясающую утку по-пекински, вон та лавка славится дешевыми деликатесами, а отделение банка на углу закрывается на обед ровно в полдень.

Цзэмянь решил, что ему определенно стоит почаще бродить по этим закоулкам. Физические зацепки помогали растормозить спящее подсознание.

Коль уж судьба забросила его на страницы этого бульварного романа, глупо было тратить время на стенания. Нужно обживаться. И ради своего спасения, и ради несчастного Чэнь Чжэ, чью жизнь он теперь проживал.

Приспосабливаться к новым обстоятельствам Цзэмяню было не привыкать. В детстве из-за постоянных переводов отца по службе их семья вечно сидела на чемоданах. Сменив кучу школ и городов, он давно усвоил простую истину: у всех человеческих муравейников одна и та же структура. Стоит поймать общий ритм, и ты быстро найдешь свое уютное болотце.

Рядом с Цзявэем и Кэсуном он чувствовал себя на удивление спокойно. Наверняка сказывалось влияние прежнего хозяина тела — подсознание Чэнь Чжэ безошибочно выделяло этих двоих как людей, которым можно доверять без оглядки.

Сначала они заглянули в офис оператора, где Цзэмянь без проблем восстановил сим-карту. Как только на экране загорелся значок сети, Цзявэй забрал у него телефон и прямо на ходу углубился в настройки: скачивал приложения, восстанавливал резервные копии и запускал бесконечные проверки авторизации.

От Цзэмяня требовалось лишь время от времени подносить экран к лицу для сканирования сетчатки и верификации. Цзявэй ориентировался в его цифровой жизни как в собственной — немудрено, ведь последние три мобильного Чэнь Чжэ покупал именно у него.

— С одноименной маркой было бы проще, там все в один клик переносится, — проворчал торговец, протягивая ему обновленный гаджет. — Тут пришлось повозиться. Короче, почти все пароли слетели, но я забил тебе твой стандартный.

— Это какой еще? — уточнил Цзэмянь.

Цзявэй зыркнул на него как на умалишенного:

— Ты че, реально башкой повредился? Ну твой обычный: заглавная «С», строчная «z», цифры от девяти до единицы по убыванию, плюс и собака.

Цзэмянь мысленно попытался воспроизвести эту абракадабру и на всякий случай занес комбинацию в заметки.

— Черт, ну и муть.

— С чего вдруг муть? — искренне удивился друг. — Твои инициалы латиницей, обратный отсчет и спецсимволы. Безопасность уровня Пентагона, сам же просил!

— Точно мозг пропил, — вздохнул Цзявэй. — Ты сегодня вообще какой-то заторможенный. На простые вопросы по полминуты зависаешь.

Цзэмянь лишь неопределенно хмыкнул, не став вдаваться в подробности.

Обедать они устроились в крошечной, но невероятно популярной забегаловке, где подавали рыбу в каменных горшках. Свежайшего карпа выловили прямо из аквариума, на глазах у клиентов разделали на сочные ломтики толщиной в палец, обваляли в яичном кляре, обжарили во фритюре до хрустящей корочки и томили в пряном бульоне.

Цзэмянь не заметил, как умял почти всю кастрюлю. Непривычная к такой жирной пище слизистая желудка тут же отозвалась резью. Поняв, что пешие прогулки отменяются, он прикинулся шлангом: пожаловался на отвратительный домашний вай-фай и уломал Цзявэя поехать к нему — настроить новый роутер, а заодно и подбросить страдальца до подъезда.

Оказавшись у заветной двери, Цзэмянь замялся лишь на долю секунды, а потом интуитивно залез рукой под придверный коврик. Пальцы нащупали холодный металл — ключ лежал на своем законном месте.

Цзявэй управился с техникой за пять минут и поспешил обратно на рабочее место. На прощание он швырнул хозяину квартиры две пачки дорогих сигарет, бросив, что перехватил их по дешевке у какого-то залетного бедолаги.

Помимо гаджетов, в лавке Цзявэя частенько приторговывали элитным табаком и алкоголем. Прежний Чэнь Чжэ, вращаясь среди золотой молодежи, регулярно получал в подарок дорогой виски или коллекционный импортный табак, который тут же сплавлял приятелю на перепродажу. Хоть какая-то прибавка к бюджету.

Проводив гостя, Цзэмянь закрыл замок и прислонился спиной к косяку, внимательно осматривая свое новое пристанище.

Чэнь Чжэ рос бастардом, а после смерти матери остался один на всем белом свете. Порядок парень наводить явно не умел: квартира выглядела запущенной. На тумбочке в прихожей высился живописный натюрморт из ржавых ножниц, запутанных наушников, пустых коробок от посылок и пустых бутылок. Среди этого хлама Цзэмянь наткнулся на россыпь блистеров с таблетками.

Он присмотрелся к названиям: антибиотики, сильные анальгетики, панкреатин и копеечные пилюли от изжоги.

Значит, дело было не в обжорстве.

У Чэнь Чжэ с юных лет был хронический гастрит. Судя по раскиданным в спешке лекарствам, вчера перед выходом «в свет» парень прекрасно понимал, что его заставят пить до беспамятства, и попытался подстелить соломку, заранее закинувшись обезболивающими.

Жалко его. Собачья жизнь.

Цзэмянь смахнул блистеры в ящик комода. В спальню идти поленился — просто скинул на пол ворох одежды с дивана, освобождая пяточок пространства, улегся поудобнее и прижал ладонь к ноющему боку. Нужно было срочно решать, как жить дальше.

До своего внезапного перерождения он занимал пост ведущего геймдизайнера в крупном холдинге. Игровая индустрия — золотая жила, но без серьезных вливаний туда соваться бессмысленно. Раньше за его спиной стояли корпоративные гиганты с бездонными бюджетами. Он выдавал хит за хитом, а в конце года у него на счету оседали жирные семизначные бонусы.

Но что котируется на местном рынке?

В книге автор уделял внимание только глобальным вещам: когда Чжонянь вступил в права наследования, клан Лу ворочал миллиардами, скупая патенты на искусственный интеллект, зеленую энергетику и элитную недвижимость по всей стране. Про геймдев в тексте не было ни слова.

Придется прошерстить местный аналог App Store.

В этой индустрии всегда существовала забавная иерархия: создатели масштабных ММО снисходительно плевали в сторону разработчиков мобилок, вот только последние гребли кэш лопатой.

Идей у Цзэмяня было хоть отбавляй, не хватало самой малости — стартового капитала.

Эх, раздобыть бы где-нибудь тысяч двести юаней. Слить сотку студентам-выпускникам за написание чернового кода, еще столько же вбухать в вирусный маркетинг, а как только проект взлетит — продать права какому-нибудь издателю. Дело верное, чистая прибыль в кармане за пару месяцев.

Загоревшись идеей, он проигнорировал тупую боль в желудке, сполз с дивана и засел за ноутбук. Пальцы летали по клавиатуре до самого вечера. К сумеркам у него был готов подробный концепт-документ на десять тысяч знаков.

Этот проект он вынашивал давно. Собственная уникальная задумка, которую он так и не успел презентовать совету директоров перед тем, как его настиг инфаркт прямо на рабочем месте.

Работа в офисе вообще вредна для жизни.

Но чертов босс платил слишком щедро, чтобы увольняться вовремя.

Слава богу, в тот судьбоносный вечер он препарировал сценарий современной городской драмы. Окажись на ее месте какое-нибудь эпическое фэнтези с культиваторами и летающими мечами, его шансы выжить в новом теле стремились бы к нулю.

Когда Цзэмянь ловил кураж, весь мир переставал для него существовать. Боль в желудке постепенно утихла, сменившись привычным азартом творца. Очнулся он только тогда, когда комната погрузилась в густые синие сумерки.

Решив сделать перерыв на чай, он взял со стола новенький смартфон и обнаружил пять пропущенных.

Все от Сяо Кэсуна.

Точно! Они же договаривались встретиться вечером. Проклиная свою забывчивость, Цзэмянь быстро набрал номер.

Голос в трубке так и сочился недовольством. Кое-как отмазавшись тем, что тестировал новый телефон и случайно вырубил звук, Цзэмянь выслушал ворчание Кэсуна, записал адрес и пообещал быть на месте в течение полутора часов.

Вбив координаты в навигатор, он хмыкнул. Элитный загородный автодром. Сомнений не было: Лу Чжонянь наверняка тусуется там же.

Предчувствие его не обмануло.

В пестром сборище разодетых столичных франтов Лу Чжонянь выделялся мгновенно, подобно крупному хищнику среди травоядных. На нем было длинное темное пальто; силуэт, подсвеченный сзади мощными прожекторами трека, казался неестественно высоким. Полы верхней одежды лениво полоскались на холодном ветру, добавляя его облику каплю благородной небрежности. Он стоял на верхней галерее вип-трибуны, величественный и неприступный, словно самолично управлял движением звезд на раскинувшемся за его спиной небосводе.

Чертов главный герой. Его аура была настолько мощной, что казалось, будто его прорисовывал другой, куда более талантливый художник, нежели всех остальных статистов вокруг.

Заметив Цзэмяня у подножия лестницы, Кэсун приветственно взмахнул рукой:

— Чэнь Чжэ, давай сюда! Быстрее поднимайся!

Десятки холеных лиц синхронно повернулись в его сторону. Лишь Чжонянь даже ухом не повел, продолжая буравить взглядом гоночную трассу. Ему было глубоко плевать на появление очередного прихвостня.

Цзэмянь начал подниматься по ступеням, но не успел преодолеть и половины пути, как до него донесся язвительный голос:

— Сяо-шао, ну и замашки у твоего прихвостня. Вся честная компания в сборе, только одного барина ждем.

Это подал голос Лю Юэбо.

В мозгу Цзэмяня мгновенно активировалась соответствующая карточка персонажа, щедро одобренная густой порцией старых обид прежнего Чэнь Чжэ.

Накатило глухое раздражение.

Этот Лю Юэбо, судя по всему, регулярно упражнялся на парне в остроумии. Раньше Чэнь Чжэ безропотно сносил подобные уколы, заискивающе улыбался и рассыпался в извинениях. Еще бы, ведь здесь собрались сливки пекинского общества. Даже те, кто не принадлежал к элите по праву рождения, занимали статус фаворитов и содержанок влиятельных господ, так что бедному бастарду хамить кому-либо было себе дороже.

Но Цзэмяню было плевать на их иерархию.

Если кто-то пытается подпортить ему настроение, он вернет должок с лихвой.

Он уверенно поднялся на площадку трибуны и остановился прямо перед обидчиком, глядя ему в глаза.

— И для чего же вы меня ждали?

Юэбо опешил. Такого отпора от вечной груши для битья он не ожидал. Впрочем, парень быстро сориентировался, и его лицо вновь исказила презрительная гримаса.

— Смотри-ка, Чэнь Чжэ, пару дней меня не видел — и зубы прорезались? Ты вообще кто такой, чучело, чтобы мне вопросы задавать?

— Да вот и мне непонятно, — ровным тоном произнес Цзэмянь. — Сначала ты заявляешь, что я ставлю себя выше Сяо-шао, а теперь говоришь, что я недостойн твоего ответа. Ты кого сейчас пытаешься выставить идиотом: меня или Сяо Кэсуна?

Юэбо мгновенно растерял весь свой гонор и испуганно скосил глаза на стоявшего рядом наследника семьи Сяо.

Кэсун действительно нахмурился.

— Хватит балаган устраивать. Сходка спонтанная, пришел человек позже — и черт с ним. Чэнь Чжэ, иди сюда.

Компания поспешила замять неловкую паузу, переведя разговор на характеристики новых болидов.

Чэнь Чжэ и раньше болтался в этой тусовке на правах безмолвной мебели, а после жесткой стычки с Юэбо от него и вовсе отвернулись. Молодежь сновала туда-сюда, смеялась и пила коктейли, усердно делая вид, что Цзэмяня здесь просто не существует.

Минут через десять рев моторов возвестил о начале заезда, и Чжонянь с приятелями спустились к пит-лейну.

Кэсун тоже убежал на трассу. Оставшаяся у трибун свита мгновенно отсекала Цзэмяня от общего круга. Вокруг него образовался показательный вакуум диаметром в три метра.

Другой на его месте сгорел бы со стыда, но Цзэмянь лишь вздохнул с облегчением. Он спокойно облокотился на хромированные перила ограждения и принялся лениво разглядывать парковку, где заметил двух крепких парней в темных костюмах.

Один из них вчера до глубокой ночи караулил его палату в госпитале. Исчезли они только утром, когда врачи подтвердили, что здоровью пациента ничто не угрожает, и Чжонянь

милостиво снял конвой.

Мир роскоши и пафоса казался Цзэмяню бесконечно унылым.

Когда читаешь подобные сцены в романе, воображение рисует зубодробительный экшен: рев форсированных движков, визг резины на крутых виражах, заносы на грани фолла и триумфальный финиш под восторженные вопли модельной внешности девиц.

В реальности же все это великолепие превращалось в монотонное нарезание кругов по серому асфальту. Никакого драйва Цзэмянь не испытывал — только уши закладывало от истощающего визга моторов и не менее истощающих криков девиц на трибунах.

С другой стороны, глупо было требовать от себя юношеского задора. До переселения душ он успел сделать солидную карьеру и превратиться в матерого, циничного трудоголика. А здешнему «королю дорог» Лу Чжоняню едва стукнуло девятнадцать. Вся эта банда столичных мажоров состояла из вчерашних школьников от семнадцати до двадцати двух лет. Кипящие гормоны, жажда самоутверждения — куда уж до них выгоревшему на работе тридцатилетнему мужику.

Наблюдая за мельканием разноцветных кузовов, Цзэмянь поймал себя на том, что его сознание медленно угасает.

Он чувствовал себя измученным родителем, который застрял у забора детской площадки и обречен часами наблюдать, как карапузы резвятся на надувных горках.

Парень смачно зевнул.

«Когда уже это закончится? Дома ждет недописанный концепт...»

В следующий раз надо будет хоть блокнот с собой прихватить, что ли.

Хотя лучше бы этого «следующего раза» вообще не случилось.

К моменту финального свистка Цзэмянь откровенно клевал носом.

Но золотая молодежь расходиться не собиралась: впереди маячила грандиозная пьянка.

Чжонянь, ожидаемо пришедший к финишу первым с колоссальным отрывом, умудрился побить рекорд трассы. Огромное табло над пит-лейном полыхало неоновыми цифрами его времени, а шестнадцать вспомогательных экранов крутили лучшие моменты заезда с разных ракурсов.

Вспыхнули стробоскопы, диджей выкрутил басы на максимум, толпа зашлась в экстазе. Несколько мажоров с диким визгом принялись трясти бутылки с дорогушим шампанским, щедро поливая пеной всех причастных и непричастных.

Цзэмянь искренне пожалел, что не захватил с собой дождевик.

Кое-как уклоняясь от липких брызг, он протиснулся сквозь восторженную толпу к Кэсуну.

— Кэсун, я, пожалуй, поеду. Спать охота невыносимо.

Музыка гремела так, что закладывало перепонки. Сын чиновника лишь удивленно захлопал ресницами и приложил ладонь к уху, беззвучно артикулируя: «Чего-о-о?»

Цзэмяню пришлось сложиться пополам, приставить ладони рупором к его уху и проорать:

— Я говорю — валяйте без меня! А я на боковую!

Кэсун посмотрел на него с нескрываемым изумлением.

В прежние времена Чэнь Чжэ костыми бы лег, но остался до победного конца. Бегал бы за выпивкой, ловил такси для перепивших мажоров и преданно заглядывал всем в рот, лишь бы лишний раз мелькнуть перед глазами сильных мира сего.

— Реально сливаешься? — прокричал в ответ Кэсун.

Цзэмянь кивнул с максимальной решимостью.

— Ну хозяин-барин, — пожал плечами парень. — Чжонянь сегодня проставится за победу. Но раз уж уходишь — подойди к нему, скажи пару слов для приличия.

Цзэмянь мысленно застонал.

С точки зрения светского этикета Кэсун был прав: уходить по-английски с закрытого праздника считалось дурным тоном. К тому же друг искренне пытался помочь — давал лишний повод ненавязчиво напомнить о себе главному спонсору тусовки.

Будь на его месте настоящий Чэнь Чжэ, он бы от счастья прыгал.

Но у Цзэмяня при мысли о встрече с Чжонянем внутри все холодело.

Во-первых, лакействовать перед наглыми мажорами он не нанимался. Во-вторых, вчерашнее пробуждение в чужом теле вышло донельзя смазанным, нелепым и пьяным — Чжонянь наверняка уже занес его в свой личный черный список неадекватов. Ну и в-третьих, этот парень отличался на редкость мстительным и непредсказуемым характером. Сделай Цзэмянь хоть один неверный шаг, и его мигом упакуют обратно в палату под надзор санитаров.

Однако желание оказаться в теплой постели перевесило страх. Он глубоко вздохнул и решительно направился к виновнику торжества.

Присутствующие брезгливо расступались перед ним. В их глазах читалась неприкрытая насмешка: «Глядите-ка, опять пополз преданно вилять хвостом перед хозяином».

Цзэмянь едва удержался, чтобы не закатить глаза. Сами-то облепили Чжоняня плотным кольцом, заглядывая в рот при каждом удобном случае, но при этом умудрялись строить из себя гордых птиц.

С каких это пор подхалимаж стал классифицироваться по сортам?

Впрочем, на фоне здешней публики он выглядел вполне адекватно. Чжонянь наверняка навидался таких клоунов за свою жизнь, так что на мелкие странности какого-то прихвостня ему плевать.

Вчера он, конечно, знатно сглупил, зато потом под угрозой жутких медицинских процедур раскаялся, во всем сознался и покорно подписал ворох бумаг. Наследник покидал клинику в прекрасном расположении духа и даже снял охрану, а значит — инцидент исчерпан.

Разложив все по полочкам, Цзэмянь немного успокоился и смело шагнул в круг избранных.

Вокруг лидера кипело веселье, но в радиусе метра вокруг него образовалась невидимая мертвая зона. Никто не осмеливался нарушить эту границу. Все знали о его патологической брезгливости и жгучей ненависти к любым прикосновениям. Желающих рисковать шкурой не находилось.

Исключением был лишь Е Чэнь, небрежно стоявший по правую руку от друга.

Е Чэнь — последняя вершина нерушимого треугольника главных героев, еще один верный товарищ детства.

Цзэмянь мысленно усмехнулся. Главный герой — Лу, один друг — Сяо, другой — Е. Классическое комбо для любого популярного чтива.

Если верить сюжету книги, эта троица в будущем должна была подмять под себя все сферы влияния в стране. Е Чэню, курсанту военного вуза, светило блестящее будущее в рядах

вооруженных сил. Кэсуну суждено было сдать государственный экзамен и стремительно пойти в гору по партийной линии. Ну а сам Чжонянь после внезапной гибели отца возглавит финансовую империю Лу.

Идеальный расклад: армия, политика и бездонные бюджеты. Действительно, канонический набор для покорения мира.

Преодолев сопротивление плотной толпы, Цзэмянь втиснулся во внутренний круг и замер чуть поодаль от лидера.

— Поздравляю с победой, господин Лу. Рекорд трассы — это мощно.

Чжонянь даже взглядом его не удостоил. С каменным выражением лица он принялся неторопливо стягивать кожаные перчатки без пальцев, затем забрал у Е Чэня бутылку с минералкой, не спеша открыл крышку и сделал глоток.

За тридцать секунд он успел совершить массу мелких телодвижений, но Цзэмяня упорно игнорировал, будто перед ним стояло пустое место.

Стоявший рядом Е Чэнь удивленно приподнял бровь.

При всей своей надменности Чжонянь никогда не опускался до откровенного хамства. К нему регулярно подкатывали с поздравлениями и просьбами, и даже если собеседник был ему глубоко неприятен, он соблюдал рамки приличия — хотя бы едва заметным кивком давал понять, что услышал.

Но сейчас он вел себя демонстративно вызывающе.

Курсант перевел заинтересованный взгляд на Цзэмяня.

Цзэмянь не растерялся и вежливо улыбнулся военному:

— Мои поздравления и вам, господин Е. Вы тоже показали отличный результат.

Е Чэнь дружелюбно кивнул и уже открыл было рот, чтобы ответить, как вдруг тишину нарушил резкий, глухой стук.

Чжонянь с непроницаемым лицом опустил руку.

Почти полная бутылка минеральной воды, которую он только что держал, с грохотом полетела на дно мусорного бака.

<http://bllate.org/book/19805/2007257>